

НИКОЛАЙ
БЕРДЯЕВ

Николай Бердяев

Константин Леонтьев
Алексей Степанович Хомяков

*«Эстетическая упорность жизни
и религиозный ужас гибели —
вот два мотива всей жизни
К. Леонтьева»*

*«Со времен старых учителей Церкви
православный Восток не знает
богослова такой силы, как Хомяков.
Богословование Хомякова
обнаруживает ясно, в чем был
главный источник славянофильства,
жизненное его гитание»*

*«Хомяков — натура наиболее
реалистичная в славянофильстве
и вместе с тем воинственная,
боязливая, с сильной диалектикой,
с талантом полемиста»*

Николай Александрович Бердяев Алексей Степанович Хомяков

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=177085

*Николай Бердяев Константин Леонтьев. Алексей Степанович Хомяков: АСТ, АСТ Москва,
Хранитель; Москва; 2007*

ISBN 5-17-039060-2, 5-9713-3553-7, 5-9762-0960-2

Аннотация

«... Моя монография об Алексее Степановиче Хомякове не есть историческое исследование и не претендует на исчерпывающую полноту. Эта работа – не столько историческая, сколько философско-систематическая, психологическая и критическая. Я хочу дать цельный образ Хомякова, центральное и главное в его мирознании и мироощущении. Вместе с тем я преследую цели критической оценки славянофильства Хомякова. Наряду с темой *Хомяков* меня интересует другая тема – *Хомяков и мы*. Так как, по моему мнению, Хомяков является центральной фигурой в славянофильстве, то тема *Хомяков* есть вместе с тем тема о славянофильстве вообще, а тема *Хомяков и мы* есть тема о судьбе славянофильства. ...»

Содержание

Предисловие	4
Глава I. Истоки славянофильства	6
Глава II. Алексей Степанович Хомяков как личность	17
Иностранке	23
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Николай Бердяев

Алексей Степанович Хомяков

Предисловие

Моя монография об Алексее Степановиче Хомякове не есть историческое исследование и не претендует на исчерпывающую полноту. Эта работа – не столько историческая, сколько философско-систематическая, психологическая и критическая. Я хочу дать цельный образ Хомякова, центральное и главное в его мирознании и мироощущении. Вместе с тем я преследую цели критической оценки славянофильства Хомякова. Наряду с темой *Хомяков* меня интересует другая тема – *Хомяков и мы*. Так как, по моему мнению, Хомяков является центральной фигурой в славянофильстве, то тема *Хомяков* есть вместе с тем тема о славянофильстве вообще, а тема *Хомяков и мы* есть тема о судьбе славянофильства. Давно уже пора приступить к серьезному исследованию славянофильства и оценке его значения в истории нашего самосознания. Безрелигиозное и денационализированное сознание не в силах было того сделать – славянофильство выпадало из поля зрения. Лишь религиозное и национальное возрождение в силах понять славянофильство и оценить его. Я верю, что оно начинается.

Моя монография о Хомякове принадлежит к серии монографий «Пути» о русских мыслителях религиозного духа. По типу своему монографии эти должны быть не подготовительными научными исследованиями, не историческими работами, претендующими на полноту и детальность, – они должны давать синтетические образы и целостную оценку с точки зрения определённого мирозерцания. Заранее можно предвидеть, что моя работа о Хомякове будет признана субъективной, потому что она написана с точки зрения определённого религиозно-философского мирозерцания. Но, верю, в мирозерцании этом – истина и правда, и во имя истины и правды образ Хомякова не был искажен.

Приведу важнейшую библиографию о Хомякове, не претендующую на полноту. Основным источником для работы о Хомякове служат *восемь* томов Собрания его сочинений. В VIII томе собраны важнейшие письма Хомякова. Я пользовался *третьим, дополненным, изданием* 1900 года и по этому изданию делал цитаты. После Собрания сочинений Хомякова главным источником является обширное, не оконченное ещё исследование профессора Киевской духовной академии *В. З. Завитневича «Алексей Степанович Хомяков»*. Вышли: *том I, книга I – «Молодые годы, общественная и научно-историческая деятельность Хомякова»* и *книга II – «Труды Хомякова в области богословия»*, 1902 год. Этой работе, слишком апологетической, но самой ценной из всего написанного до сих пор о Хомякове, я многим обязан. Укажу также на работу *В. Ляскового «Алексей Степанович Хомяков, его биография и учение»* (Русский архив, 1896 год, книга 11 и отдельной книгой). Книга профессора *Л. Е. Владимирова «А. С. Хомяков и его этико-социальное учение»* (1904 год) не представляет особенного интереса. Много важных материалов о Хомякове и славянофилах можно найти в трехтомной работе *Н. Колюпанова «Биография Александра Ивановича Кошелева»*. В приложении напечатана ценная переписка славянофилов, которая проливает свет на центральную роль Хомякова и знакомит с религиозными сомнениями славянофилов. Имеют значение: *Д. Ф. Самарина («Данные для биографии Ю. Ф. Самарина за 1840-1845 год»* – в предисловии к тому V сочинений Ю. Самарина) и *«Материалы для биографии И. В. Киреевского»* (в предисловии к тому I сочинений И. Киреевского). Из общих работ о славянофилах укажу на ценную работу *М. Гершензона «Исторические записки»* и его статью *«П. В. Киреевский»* (в предисловии к собранию русских песен П. В. Киреевского). Известная книга *Пыпина «Характеристика литературных мнений»* имеет мало значения и искажает

славянофильское учение. Для критики славянофильства важен *Вл. Соловьёв* – «*Национальный вопрос в России*» и его предисловие к «*Истории и будущности теократии*». Одним из материалов для характеристики славянофильской эпохи и отдельных славянофилов могут служить *Герцена* «*Былое и думы*» и «*Дневник*». Но характеристиками Герцена нужно пользоваться с осторожностью. Для выяснения мировоззрения Хомякова имеют значение сочинения других славянофилов, особенно *И. Киреевского* и *Ю. Самарина*. Подробную библиографию можно найти у *В. З. Завитневича*.

15 сентября 1911 г.

Глава I. Истоки славянофильства

История русского самосознания XIX века полна распрей славянофильства и западничества. В распре этой с мукой рождалось наше национальное самосознание. Но окончательно станет зрелым и мужественным наше национальное самосознание лишь тогда, когда прекратится эта вековая распря, преодолется раскол славянофильства и западничества, принимавших столь разнообразные формы, и вечная правда славянофильства вместе с вечной правдой западничества войдет органически в наше национальное бытие. Мы, по-видимому, вступаем в такую эпоху, и у дверей её должны вспомнить своих отцов и дедов, с любовью проникнуть в историю нашего духа. Неблагородно было бы забыть своё отчество и не ведать своего происхождения. Проходят уже те времена, когда можно было третировать или игнорировать славянофильство, видеть лишь его временную оболочку, от которой ничего не останется для вечности. Славянофильство устарело, отошло в область истории, иные стороны славянофильства выродились до неузнаваемости. Мы не можем уже вернуться к славянофильству, мы слишком много пережили, и учение славянофилов и психология их в слишком многом нам чужды. Но в славянофильстве есть и вечное, перешедшее в нас, и мы должны помнить классических славянофилов как отцов и дедов. Наивная старомодность славянофилов не умаляет их значения и для новых времен.

Славянофильство – первая попытка нашего самосознания, первая самостоятельная у нас идеология. Тысячелетие продолжалось русское бытие, но русское самосознание начинается с того лишь времени, когда Иван Киреевский и Алексей Хомяков с дерзновением поставили вопрос о том, что такое Россия, в чем её сущность, её призвание и место в мире. В этом деле зарождающегося самосознания с ними может быть поставлен рядом лишь Чаадаев, так как гениальная боль его о России была мукой рождения русского самосознания, западничество его было столь же национальным подвигом, как и славянофильство Киреевского и Хомякова. До славянофилов, до Чаадаева в России было лишь поверхностное, наносное, не выстраданное западничество русского барства и полуварварского просветительства да официально-казенный национализм – скорее практика власти, чем идеология. Славянофильскому самосознанию предшествовало явление Пушкина – русского национального гения. Но Пушкин был великим явлением национального бытия, а не национального самосознания. Через Пушкина, после Пушкина могло лишь начаться идеологическое самосознание. Это хорошо понимал Достоевский. Славянофилы и были первыми русскими европейцами, европейцами в более глубоком смысле слова, чем русские люди XVIII века, принявшие лишь костюм, лишь внешность европейского просвещения. Славянофилы были теми русскими людьми, которые стали мыслить самостоятельно, которые оказались на высоте европейской культуры, которые не только усвоили себе европейски-всемирную культуру, но и пытались в ней творчески участвовать. Настоящим европейцем делается лишь тот, кто творчески участвует в мировой культуре и мировом сознании. Тот варвар ещё, кто лишь подражает европейской культуре, лишь обезьянничает, лишь усваивает себе верхушки. И пора признать, что славянофилы были лучшими европейцами, людьми более культурными, чем многие-многие наши западники. Славянофилы творчески преломили в нашем национальном духе то, что совершалось на вершинах европейской и мировой культуры. Лучше западников впитали в себя славянофилы европейскую философию, прошли через Шеллинга и Гегеля – эти вершины европейской мысли той эпохи. Главная заслуга и своеобразие славянофилов не в том, что они были независимы от западных и мировых влияний и черпали всё лишь на Востоке, а в том, что они впервые отнесли к западным и мировым идеям творчески и самостоятельно, то есть дерзнули войти в круговорот мировой культурной жизни. Значение славянофилов нужно искать не в том, что они не хотели знать Гегеля и Шеллинга и не испытали на себе их

влияния, а в том, что они творчески пытались переработать Гегеля и Шеллинга, самостоятельно к ним отнеслись и сказали тем своё слово в развитии философской мысли.

Славянофилы определили русскую мысль как религиозную по преимуществу. В этом их неумирающая заслуга, тут нужно искать истинного раскрытия природы нашего национального духа. Славянофилы впервые ясно формулировали, что центр русской духовной жизни – религиозный, что русская тревога и русское искание в существе своем религиозны. И до наших дней всё, что было и есть оригинального, творческого, значительного в нашей культуре, в нашей литературе и философии, в нашем самосознании, всё это – религиозное по теме, по устремлению, по размаху. Нерелигиозная мысль у нас всегда не оригинальна, плоска, заимствована, не с ней связаны самые яркие наши таланты, не в ней нужно искать русского гения. Русские гении и таланты не все были славянофилами, были среди них и противники славянофильства, но все, все они были религиозны и этим оправдывали славянофильское самосознание. Чаадаев, Киреевский, Хомяков, Гоголь, Тютчев, Достоевский, Л. Толстой, К. Леонтьев, Вл. Соловьёв – вот цвет русской культуры, вот, что мы дали культуре мировой, с чем связана наша гениальность. Все эти люди жили и творили в пафосе религиозном. Как серо, неоригинально, негениально в сравнении с этим духом западничество направление – рационалистическое, враждебное религиозному сознанию. И тут, когда бывало что-нибудь значительное, всегда было связано с религиозной тревогой, хотя бы в форме страстного, по-своему религиозного атеизма. Да, устарела славянофильская доктрина, чужд нам их душевный уклад, вырождаются их потомки, но не устарело, навеки осталось то славянофильское сознание, что русский дух религиозен и что мысль русская имеет религиозное призвание. Тут славянофильство угадало что-то такое, что пребудет навеки, что важно и нужно и тому, кому не нужны и даже противны ветхие одежды славянофильские. И потому славянофилы остаются основоположниками нашего национального самосознания, впервые сознавшими и формулировавшими направление русской культуры. Русские западники, для которых религиозный принцип стоит в центре, которые сознают религиозное призвание России, подтверждают основную истину славянофильского сознания. Таким западником был Вл. Соловьёв, его западничество было своеобразным подтверждением правды славянофильства, вечного в славянофильстве. Вечная правда славянофильства не есть правда направленная, не есть правда какой-нибудь школы и партии, это – правда всенациональная, общенациональная. Славянофильство, как направление, школа и партия, выродилось и умерло, но общенациональная правда его живет и пребывает в самых различных направлениях, школах и партиях. Правда славянофильства подтверждается и Львом Толстым, и Владимиром Соловьёвым, и новейшими явлениями в русской литературе и искусстве.

Замечательная эпоха Александра I предшествовала зарождению славянофильского сознания. Эпоха эта ознаменовалась сильным мистическим движением; но мистицизм этот был почти бесплоден в истории нашего самосознания, не оставил после себя традиции, и следы его трудно отыскать в русской литературе и философии. Мистицизм александровской эпохи был явлением заносным, заимствованным, переводным, не связанным органически с нашим национальным духом и потому поверхностным. У Хомякова с самого начала было отрицательное отношение к этому типу мистицизма. Трудно отыскать у славянофилов хоть какую-нибудь связь с Лабзиным и его «Сионским вестником» или с популярными тогда западными мистиками Юнгом, Штиллингом и Эккартгаузенем. Этот мистицизм был на русской почве столь же поверхностным западничеством, как и вольтеррианство XVIII века. В мистицизме этом не рождалось национальное самосознание, не создавалась оригинальная идеология. Это лишь эпизод, интересный, стильный, но не глубокий, не творческий. Другой факт александровской эпохи, вообще очень знаменательной и значительной, оказал определяющее влияние на всю историю нашего самосознания XIX века, углубил русскую душу, заставил призадуматься, потрянул поверхностное западничество нашего барства. Я

говору об Отечественной войне двенадцатого года, значение которой безмерно. В ней родилось национальное самосознание, в ней дан был опыт всенародный, общенациональный – богатое напряжение, после которого Россия возродилась к новой жизни. Отечественная война подготовила почву, на которой зародилось славянофильское самосознание, это один из жизненных истоков славянофильства. После испытаний Отечественной войны родилось поколение более глубокое, с окрепшим чувством России. Вопрос о национальном самоопределении и национальном призвании стал перед русскими людьми. Началась переоценка петербургского периода русской истории. Чувствование России отделилось от бюрократического механизма и связалось с жизнью народной. Блестящий, по-своему культурный и стильный век Екатерины отошёл в прошлое. Явилась потребность определить дух России и национальный лик России не по блестящим царедворцам, не по внешне цивилизованным барам, не умевшим говорить по-русски, а по органической жизни народной, по святыне народной. Все народы проходят через моменты острого осознания своего национального призвания. В таком самосознании нет ещё ничего специфически русского и славянского. Но заслуга славянофилов в том, что они сделали первые шаги в этом великом для всякого народа деле. Славянофильство первое выразило в сознании тысячелетний уклад русской жизни, русской души, русской истории.

Смешно было бы отрицать западные влияния на славянофилов. Конечно, славянофилы питались и западной мыслью, конечно, претворили в себя западную культуру. Было бы печально, если бы славянофилы не стояли ни в какой связи с духовной и умственной историей Западной Европы, если бы ничему от неё не научились. Славянофильство входит в общий поток мировой истории, а потому и Россия входит в него и занимает в нём своё место. Нельзя отрицать влияния Шеллинга и Гегеля на славянофилов, нельзя отрицать и того, что славянофильство входит в мировое движение «романтической» реакции начала XIX века против рационализма XVIII века. Но эта романтическая реакция, которая была не только романтической, но и реалистической, не только реакцией, но и прогрессом, в каждой стране принимала форму национально-своеобразную. Французский романтизм очень мало походит на романтизм немецкий. Но во всех странах романтическое движение обращало к истории и к духу народному, не поддающемуся никакой рационализации, ставило остро проблему национального самосознания, национального призвания. Германский народ осознал себя в романтическом движении. То же было в Польше, в её мессианском движении, родственном мировому романтизму. И нужно сказать, что эта сторона романтизма – обращение к национальности, к истории – была глубоко реалистична, тут здоровый реализм восстал против рационалистической бесплотности и бескровности. То, что принято называть реакцией начала XIX века, было, конечно, творческим движением вперёд, внесением новых ценностей. Романтическая реакция была реакцией лишь в психологическом смысле этого слова. Она оплодотворила новый век творческим историзмом и освобождающим признанием иррациональной полноты жизни. Наше славянофильство принадлежало этому мировому потоку, который влек все народы к национальному самосознанию, к органичности, к историзму. Тем бóльшая заслуга славянофилов, что в этом мировом потоке они сумели занять место своеобразное и оригинально выразить дух России и призвание России. Они – плоть от плоти и кровь от крови русской земли, русской истории, русской души, они выросли из иной духовной почвы, чем романтики немецкие и французские. Шеллинг, Гегель, романтики прямо или косвенно влияли на славянофилов, связывали их с европейской культурой; но живым источником их самосознания национального и религиозного была Русская земля и восточное православие, неведомые никаким Шеллингам, никаким западным людям. *Славянофильство довело до сознательного, идеологического выражения вечную истину православного Востока и исторический уклад Русской земли, соединив то и другое органически. Русская земля была для славянофилов прежде всего носительницей христианской истины,*

а христианская истина была в православной Церкви. Славянофильство означало выявление православного христианства как особого типа культуры, как особого опыта религиозного, отличного от западнокатолического и потому творящего иную жизнь. Поэтому славянофильство сыграло огромную роль не только в истории нашего национального самосознания, но и в истории православного самосознания.

Вл. Соловьёв не любил Хомякова, не всегда был к нему справедлив и, за исключением первого периода своей литературной деятельности, относился к славянофильству очень критически. Но он признавал огромную заслугу Хомякова и Самарина в раскрытии существенного содержания понятия Церкви. В сущности, Хомяков и славянофилы делают первый опыт церковного самосознания православного Востока. До них в России религиозная мысль, или, точнее, богословская мысль, всегда склонялась то к протестантизму, то к католицизму. Православного церковного самосознания в философски-богословском выражении просто не существовало. «Понятие о церкви, – говорит Вл. Соловьёв, – как о действительном существе не было, безусловно, новым открытием наших славянофилов. Твёрдое основание для этой мысли находится в Священном Писании, особенно у ап. Павла. Слабо развитая в творениях отеческих, потом забытая и католическою и протестантскою схоластикою, эта идея была в настоящем столетии восстановлена и прекрасно изложена некоторыми германскими богословами (Мёлер).¹ Но для дальнейшей разработки и жизненного осуществления этой идеи как начала вселенского единения весьма важно было, чтобы она явилась с двух сторон, не только в западной, но и в восточной оболочке. Введение её в наше религиозное сознание есть главная и неотъемлемая заслуга славянофильства».² «На вопрос о том, где церковь, славянофилы ответили: „Церковь там, где люди, соединенные взаимною братскою любовью и свободным единомыслием, становятся достойным вместилищем единой благодати Божьей, которая и есть истинная сущность и жизненное начало церкви, образующее её в единый духовный организм“».³ В главе о церковных и богословских идеях Хомякова я постараюсь показать, что Хомяков был гениальным богословом. В нём православный Восток осознал себя, выразил своеобразие своего религиозного пути. Хомяков хотел формулировать вселенское церковное сознание и пытался выразить самое существенное в Церкви вселенской. Но всё же религиозное сознание его было сознание православно-восточное, а не вселенское, всё же сознание его направлено против католического Запада. Католическому миру Хомяков отказывает в принадлежности к Церкви Христовой. На этой почве выросли все грехи славянофильства, в этом коренилась его ограниченность. Но православный Восток должен был пройти через исключительность своего религиозного осознания, без этого он не может перейти к вселенскому единству. И потому церковное сознание славянофилов провиденциально, несмотря на свою ограниченность. Знаменательно, что в XIX веке величайшим богословом православного Востока был светский писатель Хомяков, как величайшим богословом католического Запада был светский писатель Жозеф де Местр. И Хомяков и Жозеф де Местр ничего общего не имели со школьным богословствованием, с традиционной богословской схоластикой. Это были прежде всего живые люди, люди живого религиозного опыта. В Хомякове и Ж. де Местре православный Восток и католический Запад осознали себя в своей исключительности и однокости. И то был важный момент в движении к религиозному единству, к сознанию вселенскому. Во всяком случае, нужно признать, что славянофилы были первыми самостоятельными русскими богословами, первыми оригинальными православными мыслителями. По ним, а не по школьному богословствованию

---

¹ Вл. Соловьёв несправедливо умаляет оригинальность хомяковского богословия ссылкой на Мёлера. Славянофильские богословские идеи, во всяком случае, не были заимствованы у Мёлера.

² Соловьёв В. С. Собр. соч. СПб., б/д. Т. IV. С. 223.

³ Там же. С. 223.

нашего духовного мира, можно судить о существенном в православии, в них больше было жизни православной России, чем у большей части епископов или профессоров духовных академий, которые богословствуют по профессии, а не по призванию. Юрий Самарин предложил назвать Хомякова учителем Церкви. В этом, конечно, было дружеское преувеличение, но была и доля правды. Со времен старых учителей Церкви православный Восток не знает богослова такой силы, как Хомяков. Богословствование Хомякова обнаруживает ясно, в чем был главный источник славянофильства, жизненное его питание.

Думаю, что в основе всякого глубокого самосознания, всякой значительной идеи лежит опыт религиозный, не только индивидуальный, но и коллективный всенародный религиозный опыт. Славянофильство, конечно, выросло из религиозного опыта, а не из книжных влияний, не из философских и литературных идей. В этом всё его значение. Что же это за опыт, нашедший своё идейное выражение в славянофильстве? То был религиозный опыт всего русского народа за тысячелетнюю его историю, религиозный опыт восточного православия, претворенного в русской душе.

В основе славянофильства лежит именно русское православие, а не византийское, особый национально-психический тип веры. Всё своеобразие этого типа веры, национально-русскую физиономию этой веры, можно изучать по славянофилам. Восточное православие Россия получила от Византии, и много византийского вошло в поместную русскую церковь. Но душа русская безмерно отличается от византийской: в ней нет византийского лукавства, византийского низкопоклонства перед сильными, культа государственности, схоластики, византийского уныния, жесткости и мрачности. В русской народной стихии семя Церкви Христовой, заброшенное к нам из Византии, дало своеобразные ростки. Идеальные ростки христианства в русской душе можно изучать по славянофильству. Тут и своеобразный органический демократизм, и жажда соборности, преобладание единства любви над единством авторитета, нелюбовь к государственности, к формализму, к внешним гарантиям, преобладание внутренней свободы над внешним оформлением, патриархальное народничество и т. п. Св. Сергей Радонежский и Нил Сорский, русские старцы, русские юродивые, всё своеобразие христианского опыта на русской почве – всё это отпечатлелось на славянофильстве. Если от славянофильства – литературного течения XIX века – идти в глубь веков искать мистической его подпочвы, то мы дойдем до мистики восточно-православной, положенной в основание всей христианской культуры Востока, до Добротолубия, до умного делания и умной молитвы. Восточно-христианская мистика своеобразно преломилась в русской душе, в русской стихии, в русском исконном язычестве. Есть коренное своеобразие у славян вообще, у русских в частности. Свообразие это идёт со времен язычества, составляет нашу естественную плоть и кровь, наше отчество по естеству, а не по духу. Эта юная, в культурном отношении девственная плоть и кровь ничего общего не имела с одряхлевшей, разлагающейся плотью и кровью византийской. Соков жизни не было уже в Византии, она слишком стара была по естеству своему, слишком сморщилась плоть её. Соки эти были в юной России. Славянофилы любили говорить, что семя истины Христовой пало в России на девственную почву, ничем не испорченную, и в этом видели главное оправдание тому убеждению своему, что Россия – страна христианская по преимуществу. В этом убеждении была доля истины, но было и невозможное преувеличение, отвергнутое исторической наукой. В славянофильском сознании мы встретим не только национально-русское христианство, но и национально-русское язычество. Тут мы подходим к другому жизненному, некнижному источнику славянофильства, к русскому национальному быту.

Не только восточно-православным христианством жизненно питалось славянофильство, но и русским бытом, русской деревней, историческими воспоминаниями, всем тысячелетним укладом русской жизни. В первооснове этого источника лежит исконное русское язычество, язычество, просветленное христианской правдой, но просветлённое не до конца.

Русский народ в бытовой своей истории, как и всякий народ, есть народ языческо-христианский, а не чисто христианский. И допетровский русский быт и быт послепетровский одинаково трудно признать христианским. Утверждение многих славянофилов, что в древней, допетровской Руси чуть ли не полностью было осуществлено христианство, звучит чудовищной фальшью. Сам Хомяков протестовал против этого утверждения Киреевского. Правда Христова ни в каком национальном быту не была ещё осуществлена: христиане Града своего ещё не имели, они Града Грядущего взыскуют. Славянофилы же жили и мыслили так, точно Град свой они имели, жили в нём тысячелетия, вросли в него корнями так, что никакими силами не оторвешь их от него. Но град, к которому принадлежали славянофилы по плоти и крови своей, был град языческий, а не христианский. Это искание Града Божьего в Древней Руси, это отношение к русскому национальному быту как к эпохе почти хилястической обнаруживает двойственность славянофильства, их языческо-христианскую природу. Они смешали град языческий с тысячелетним царством Христовым. Хорошо говорит М. Гершензон об истоках славянофильства: «Они все – и Иван Киреевский, и Хомяков, и Кошелев, и Самарин – были в своем мышлении каналами, через которые в русское общественное сознание хлынуло веками накапливавшееся, как подземные воды, мирознание русского народа».⁴ Мирознание же русского народа было не только христианское, но и языческое: русский народ принял правду Христову, дух Христов, но по плоти и крови принадлежал ещё к граду языческому, к быту языческому. Там же говорит Гершензон: «Они все вышли из старых и прочных, тепло насиженных гнезд. На тучной почве крепостного права привольно и вместе закономерно, как дубы, выростали эти роды, корнями незримо коренясь в народной жизни и питаясь её соками, вершиной достигая европейского просвещения, по крайней мере, в лучших семьях, – а именно таковы были семьи Киреевских, Кошелевых, Самариных. Это важнейший факт в биографии славянофилов. Он во многом определял и их личный характер, и направление их мысли... Нам, нынешним, трудно понять славянофильство, потому что мы вырастаем совершенно иначе – катастрофически».⁵ Славянофилы были люди родового быта, типические русские помещики, крепкие земле. С молоком матери всосали они свои жизненные убеждения. Связь с отцами по плоти и крови была крепка в них. И с детских лет жила в славянофилах мечта о русском христианском, православном быте, о христианской крестьянской общине, о христианской семье, о христианском патриархальном государстве, в котором все отношения построены по образцу отношений отцов и детей. Много было идилличности в этой консервативно-романтической идеализации прошлого, в этой наивности и добродушии старых классических славянофилов. Но из этого язычески-бытового источника в дальнейшем ходе русской жизни получилось что-то уже недоброе, неидиллическое и неромантическое. Весь наш мракобесный, изуверский, реакционный национализм, полный самодовольства и исключительности, связан с нашим исконным бытовым язычеством, но язычеством, уже разлагающимся, уже прогнившим. У славянофилов было ещё язычество в добром смысле слова, у последующих националистов не осталось ничего доброго. Владимир Соловьёв пришёл в ужас от плодов русского языческого национализма, и этот ужас делал его не всегда справедливым к старым славянофилам. Славянофилы всё же были универсалистами, не отрицали окончательно Запада, они искали в русском народе вселенскую правду Христову, искали Града Божьего. И если их хилязм был наполовину языческий, то потому, что не настали ещё времена и сроки. Мы пережили со времен славянофильства много испытаний, много катастроф: пережили Достоевского и Толстого, нигилизм и анархизм, социализм и революцию, Ницше и декадентство. Нам легче

⁴ Гершензон М. П. В. Киреевский. Биография // Русские народные песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1911. Т. I. С. XXIX.

⁵ Там же. С. I.

теперь сбросить с себя бремя языческого быта, мы свободнее, воздушнее, более устремлены к Граду Грядущему. Мы живем в эпоху разложения быта и не знаем уже бытового уюта.

Я говорил о жизненно-религиозных и жизненно-национальных истоках славянофильства. Славянофильство – почвенно, выросло из земли, добыто из опыта. Но славянофильство – также культурное явление, стоящее на высоте европейской культуры своего времени. Славянофильство по-своему переработало западные идейные течения. Ни с какой точки зрения нельзя отрицать влияния Гегеля и Шеллинга. Гегель и Шеллинг помогли славянофилам осознать свой почвенный опыт. Славянофилы, а за ними все оригинальные русские мыслители, всегда начинали философствовать с Гегеля, с потребности его преодолеть, перейти от его отвлечённости к конкретности, и всегда были родственны стремлениям Шеллинга. Гегель – головокружительная высота рационалистической философии, в Гегеле есть титанизм и демонизм. Миновать Гегеля нельзя, и, быть может, главный дефект современной философии в том, что она недостаточно считается с Гегелем, этой вершиной, пределом, концом. Славянофилы гениально почували, что необходимо посчитаться с Гегелем, его преодолеть, что в нём пробный камень. Они пережили Гегеля, преодолели Гегеля и перешли от его абстрактного идеализма к идеализму конкретному – оригинальному плоду русской мысли. В этом философском подвиге Киреевского и Хомякова была вечная их заслуга перед русской культурой. На Западе от отвлечённости гегельянства, утерявшего живое бытие, перешли к фейербахянству и материализму: в материи, в экономике стали искать субстрат, сущее. В России намечен был иной творческий путь, путь нахождения сущего, субстрата, живого бытия в мистическом восприятии, в религиозном опыте. Органом познания сущего признается не отвлечённый разум, не отвлечённый интеллект, а целостный дух. В Германии к тому же стремился Шеллинг, но остановился на полпути; так, до конца неясно было у него, что над чем главенствует, религия над философией или философия над религией. На пути целостного, мистического познания стоял Франц Баадер, но его славянофилы, по-видимому, не знали и под влиянием его не находились. Славянофилы по-своему осуществляли шеллинговскую задачу преодоления гегелевского отвлечённого рационализма. В этом деле они стояли на высоте европейской мысли, чували, что совершалось на вершинах культуры, и предчувствовали то, к чему подойдет мировое и русское сознание лет через шестьдесят-семьдесят, в нашу эпоху. Европейская мысль скиталась по пустыням отвлечённого материализма, позитивизма, критицизма, чтобы подойти к тупику и сознать неизбежность мистического опыта, воссоединиться с религией. Славянофилы давно уже сознали неизбежность этого перехода, предсказывали то шатание мысли, которое начнётся с крушения гегельянства и дойдет до диалектического материализма. Да, Киреевский и Хомяков пережили влияние Гегеля и Шеллинга, но они претворили эти влияния в оригинальную философию, положившую основание русской философской традиции. То была конкретная философия целостного духа, а не отвлечённая философия отсечённого разума. Славянофилы обнаружили в высшей степени творческое отношение к той западной мысли, которой они питались, они не были пассивными воспринимателями западных влияний.

Наконец, славянофилы участвовали, как я уже указывал, в том мировом движении начала XIX века, которое носит условное и неверное название «романтической реакции». С движением этим связан историзм, органичность, уважение к прошлому и любовное в него проникновение, признание иррационального в жизни, зарождение национального самосознания. Иррациональная природа индивидуальности человеческой и индивидуальности национальной начала освободиться из-под гнета рационализма XVIII века. В эту же эпоху зародилась идея развития как процесса органического и оплодотворила всю мысль века XIX. Заслуга «реакционного романтизма», которую не следовало бы забывать последующему «прогрессивному реализму». Славянофильство принадлежало этому мировому потоку, оно плыло в этом русле и занимало в нём своеобразное место. У славянофилов можно найти и

учение об органическом развитии, и уважение к иррациональности истории, и национальный мессианиззм. Но самый характер этого мирового движения таков, что не допускает механического заимствования и пересадки. Движение это признавало органичность и иррациональность у всех народов, звало к творчеству национальному. Поэтому утверждать влияние романтизма в широком смысле этого слова на славянофилов не значит отрицать их оригинальность. В Германии, во Франции, в Англии, в Польше, в России романтическое движение и пробудившееся в связи с ним национальное самосознание принимало формы самобытные, индивидуальные, очень разные. В славянофильстве «романтическая реакция» приняла ярко-православную форму, в польском мессианизме – форму ярко-католическую. Особенно важно отметить, что на русской почве, на основе нашего религиозного и духовного опыта, движение это получило несравненно более реалистическую окраску, менее мечтательную. Романтизм вообще чужд духу восточного православия, в нём всегда была насыщенность, не было той страстной жажды, которая порождала романтизм в лоне католичества. Поэтому славянофильство можно причислить к мировому «романтическому» движению лишь в условном смысле. Славянофилы – не романтики по своему душевному типу, они слишком бытовики, слишком люди земли, слишком здоровые. В них больше религиозной сытости, чем религиозной жажды. Особенно это должно сказать о Хомякове, человеке органически земляном, крепком, трезвом, реалистическом. В нём нет и следов романтической мечтательности и экзальтированности. Он больше ощущал себя органически вросшим в Град Русский, чем мечтал и жаждал Града Грядущего, в нём не было романтического томления. Даже тихая грусть и мечтательность Ивана Киреевского не были страстным устремлением, жаждой, томлением. Мировое романтическое движение преломилось в духовной сытости православия, сытости не в порицательном смысле, а в смысле глубокой насыщенности церковной святыней; преломилось и в реалистическом складе русского народа. Нельзя отрицать больших заслуг М. О. Гершензона в выяснении значения славянофильства в истории русского самосознания XIX века. В исторических работах Гершензона чувствуется свежая струя. Его отношение к славянофильству отличается и от школьно-западнического и от школьно-славянофильского, он пытается вылущить ценное зерно из славянофильского направления. Но эта операция совершается им путем раскрещивания славянофилов. Ценным и вечным зерном славянофильства Гершензон считает учение о целостной жизни духа, о космической первооснове личности. Бесспорно, важно это учение славянофилов, но оно не может быть отделено от их христианской веры. Для славянофилов цельная жизнь духа осуществлялась лишь в Церкви Христовой, и там лишь личность получала полноту и свободу. Цельность достигается лишь религиозно, а славянофилы не признавали какой-то религии вообще, религии отвлечённой, признавали лишь религию христианскую, и даже православную. Истина о цельной жизни духа и была для них истиной Христовой, через Христа лишь и Его Церковь достижимой. Вне Христа и Церкви Его цельная жизнь духа рассекается, и торжествует рационализм. Мистическая цельность духа даётся лишь опыту христианскому, лишь умному деланию. Необходимо отделить вечно ценное в славянофильстве от ветхих одежд славянофильских, от печальных судеб славянофильской школы. Но сам Гершензон находится на той ступени религиозного сознания, с которой не видно христианских глубин славянофильства. При его сознании и нельзя иначе формулировать вечно ценного в славянофильстве, чем он это делал. Но всё же Гершензон дал психологическую интерпретацию славянофильства, противоречащую бесспорным историческим фактам. А. И. Кошелев говорил: «Без православия наша народность – дрянь. С православием наша народность имеет мировое значение». А Иван Киреевский говорил: «Особенность России заключалась лишь в самой полноте и чистоте того выражения, которое христианское учение получило в ней, – во всём объеме её общественного и частного быта». Хомяков же был прежде всего православным богословом, христианским мыслителем, рыцарем православной Церкви. Хомякова Гершензон явно

не любит и игнорирует в такой же мере, в какой любит до пристрастия Киреевских. Такое отношение к Хомякову мешает Гершензону оценить славянофильство в полноте, нарушает историческую перспективу. Центральная роль Хомякова в славянофильском лагере удостоверяется всеми славянофилами, всеми воспоминаниями о нем. И роль эта должна выясниться из всего изложения моей книги. Сила Хомякова была в необычайной твёрдости, каменности его церковного самосознания и церковного самочувствия. Другие славянофилы не были так тверды, колебались, сомневались, и им импонировал Хомяков как учитель. Я очень ценю работы Гершензона, считаю большой его заслугой борьбу с традицией Пыпина и других историков нашей мысли, считаю его очень чутким к религиозному мотиву славянофилов и к психологическому их облику. Он чуть ли не первый увидел в славянофильстве опыт русского национального самосознания, а не одно из направлений в ряду других. Но его религиозная оценка славянофильства носит явную печать границ его собственного религиозного сознания и опыта, а его игнорирование Хомякова обнаруживает пристрастие.

Считают спорным вопрос о том, кто был основателем и духовным отцом славянофильства – Хомяков или И. Киреевский и кто на кого больше влиял. Я не вижу надобности выбирать, думаю, что оба были основателями славянофильства и влияли друг на друга. Если И. Киреевскому принадлежит честь первой формулировки основоположений славянофильской философии, которые потом развивал Хомяков, то Хомякову принадлежит ещё большая честь первой формулировки религиозного сознания славянофилов, учения о Церкви, то есть глубочайшей основы славянофильства. Хомяков написал гораздо больше, чем Киреевский, был многостороннее его и активнее. Хомяков был не только величайшим богословом славянофильской школы, он был также одним из величайших богословов православного Востока. Славянофильство, по существу своему, не было и не могло быть индивидуальным делом. В нём была соборность сознания и соборность творчества. Славянофильство создано коллективными усилиями. Но в этом коллективном, сверхиндивидуальном деле Хомякову принадлежит центральное место: то был самый сильный, самый многосторонний, самый активный, диалектически наиболее вооружённый человек школы. У Хомякова можно найти и славянофильское богословие, и славянофильскую философию, и славянофильскую историю, и славянофильскую филологию, славянофильскую публицистику и славянофильскую поэзию. И. Киреевский был романтиком славянофильской школы, натурой созерцательной, тихой и мистической, не воинственной, не плодovitой. Хомяков – натура наиболее реалистическая в славянофильстве и вместе с тем воинственная, боевая, с сильной диалектикой, с талантом полемиста. Они дополняли друг друга. Но если видеть в христианстве душу славянофильства, то первенство нужно будет признать за Хомяковым. Через всю свою жизнь пронёс Хомяков незыблемое церковное сознание, твёрдую, как скала, веру христианскую, ничем не соблазняясь, ни от чего не колебался, никакого кризиса не переживал. И. Киреевский стал христианином сравнительно позже, уже в сороковые годы, религиозно, церковно Киреевский шёл за Хомяковым и был под его влиянием. Хомяков – камень славянофильства, гранитная скала. Хотя он и писал стихи, но был менее поэтом славянофильства, чем Киреевский. Многим должен казаться И. Киреевский привлекательнее Хомякова, ближе нашей эпохе. Но Хомяков нам нужнее. На протяжении всей моей книги я буду говорить о взаимоотношении И. Киреевского и Хомякова, особенно в главе о гносеологии и метафизике Хомякова. Теперь же приведу несколько выписок из Киреевского, важных для характеристики славянофильства и славянофильского отношения к Западу, которое обычно неверно себе представляют.

Пророчески звучат слова Ивана Киреевского: «Именно из того, что Жизнь *вытесняет* поэзию, должны мы заключить, что стремление к Жизни и Поэзии *сошлись* и что, следовательно, час для поэта Жизни наступил». Тут формулируется проблема теургии, теургического творчества, проблема наших дней. Во времена Киреевского час этот не наступил ещё, он наступает ныне. Старые, классические славянофилы не так относились к Западу,

как относятся претендующие быть их потомками и наследниками. Хомяков называл Запад «страной святых чудес». И. Киреевский говорил: «Да, если говорить откровенно, я и теперь ещё люблю Запад, я связан с ним многими неразрывными сочувствиями. Я принадлежу ему моим воспитанием, моими привычками жизни, моими вкусами, моим спорным складом ума, даже сердечными моими привязанностями». ⁶ «Направление к народности истинно у нас, как высшая ступень образованности, а не как душевный провинциализм. Поэтому, руководствуясь этой мыслью, можно смотреть на просвещение европейское как на неполное, одностороннее, не проникнутое истинным смыслом и потому ложное; но отрицать его, как бы несуществующее, значит стеснить собственное. Если европейское в самом деле ложное, если действительно противоречит началу истинной образованности, то начало это, как истинное, должно не оставлять этого противоречия в уме человека, а, напротив, принять его в себя, оценить, поставить в свои границы и, подчинив таким образом собственному произволу, сообщить ему свой истинный смысл. Преодоление ложности этого просвещения несколько не противоречит возможности его подчинения истине. Ибо всё ложное в основе своей есть истинное, только поставленное на чужое место: существо ложного начала как начала существования во лжи». ⁷ И дальше: «И что, в самом деле, за польза нам отвергать и презирать то, что было и есть доброго в жизни Запада? Не есть ли оно, напротив, выражение нашего же начала, если наше начало истинное? Вследствие его господства над нами, всё прекрасное, благородное, христианское нам необходимо как своё, хотя бы было европейское, хотя бы африканское». ⁸

Как хорошо говорит Киреевский о необходимости философии в России: «Нам *необходима* философия: всё развитие нашего ума требует её. Ею одною живет и дышит наша поэзия; она одна может дать душу и целостность нашим младенчеству наукам, и самая жизнь наша, может быть, займет от неё изящество стройности. Но откуда придёт она? Где искать её? Конечно, первый шаг наш к ней должен быть присвоением умственных богатств той страны, которая в умозрении опередила все народы. Но чужие мысли полезны только для развития собственных. Философия немецкая вкорениться у нас не может. *Наша* философия должна развиваться из *нашей* жизни, создаться из текущих вопросов, из господствующих интересов нашего народного и частного бытия». В чем видит Киреевский особенность России? На вопрос этот он отвечает известными словами, уже мною приведенными: «Особенность России заключалась лишь в самой полноте и чистоте того выражения, которое христианское учение получило в ней, – во всём объеме её общественного и частного бытия».

Славянофилы не только определили наше национальное самосознание как религиозное по духу и цели, но также поставили перед нашим самосознанием основную тему – тему Востока и Запада. Темой этой наполнена вся духовная жизнь России XIX века, и она передана веку XX как основная, как поставленная перед нами всемирно-историческая задача. И до наших дней делящаяся борьба славянофильских и западнических начал в русском самосознании вся сосредоточена вокруг этой темы Востока и Запада. Славянофильство отвечает: Восток, западничество отвечает: Запад. Но наступают времена, когда нельзя уже выбирать – Восток или Запад, когда для самого бытия России и для выполнения её миссии нужно утверждать в ней и Восток и Запад, соединять в ней Восток с Западом. Мы связаны со славянофильской темой и религиозным направлением в решении этой темы. Но поколение наше безмерно отличается от поколения людей тридцатых и сороковых годов. Те были идеалистами и романтиками, в них много было идилличности и прекраснотуши. Мы волею судеб стали трагическими реалистами. Нами проблема Востока и Запада переживается апокалип-

⁶ Киреевский И. В. Полн. собр. соч. / Под ред. М. Гершензона. М., 1911. Т. I. С. 112.

⁷ Там же. Т. I. С. 156.

⁸ Там же. Т. I. С. 157.

тически, для нас она связана с эсхатологическими предчувствиями и надеждами. У славянофилов, как мы увидим, не было этой тревоги, этой жути, этого трагизма, почва не колебалась под ними, земля не горела, как под нами.

На духовном облике людей тридцатых и сороковых годов я остановлюсь подробно в характеристике личности Хомякова. Тогда ясно будет, чем отличается славянофильское поколение от поколения современного. Славянофилы жили как люди, имеющие свой град – Древнюю Русь, мы же живем как града своего не имеющие, как Града Грядущего взыскующие. Первые зачатки русского мессианизма связаны со старой идеей Москвы как Третьего Рима. Тут перешла на русскую почву идея всемирно-историческая, идея римская и византийская. Славянофилы приняли идею Москвы – Третьего Рима как бытовой факт, как исторический уклад, как эмпирику. Для них Третий Рим был не впереди, а позади. Идея Третьего Рима основывалась не столько на мистических упованиях, сколько на славянофильской науке – истории, лингвистике, этнографии. И нужно сказать, что эта наука была ложна, эта история, лингвистика, этнография слишком часто была фантастична. Религиозный мессианизм не может зависеть от исторической науки, и историческая наука не должна искажаться в угоду религиозному мессианизму. Славянофилы смешали науку и религию, так как в Град Божий вложили они свои бытовые симпатии, свои связи с исторической эмпирикой. Всё это ясно станет на анализе личности и мирозерцания Хомякова, к которому и переходим.

Глава II. Алексей Степанович Хомяков как личность

Я не предполагаю писать, в точном смысле слова, биографии Алексея Степановича Хомякова. Я хочу дать лишь его психологическую биографию, характеристику его личности. Нельзя понять учения иначе, как в связи с личностью. Всякое значительное учение есть дело значительной личности, из глубин её творится и глубинами её лишь объясняется. Хомяков был очень крупный, очень сильный, очень цельный человек, в нём отразились лучшие черты целой эпохи, целого уклада жизни, отошедшего в историю и воспринимаемого нами главным образом эстетически. В типе Хомякова есть пленительная эстетическая законченность. Хомяков был человеком родового быта, и его психологическую биографию нужно начинать с его предков и родителей.

«Алексей Степанович Хомяков родился 1 мая 1804 года в Москве, на Ордынке, в приходе Егория, что на Всполье. По отцу и по матери, урожденной Киреевской, он принадлежал к старинному русскому дворянству».⁹ Сам Алексей Степанович знал наперечет своих предков лет за двести в глубь старины и сохранял в памяти «пропасть преданий» о екатерининской и вообще о дедовской старине. «Все его предки были коренные русские люди, и история не знает, чтобы Хомяковы когда-нибудь роднились с иностранцами».¹⁰ Фактом первостепенной важности в биографии Хомякова является способ происхождения земельных богатств Хомяковых. «В половине XVIII века жил под Тулою помещик Кирилл Иванович Хомяков. Схоронив жену и единственную дочь, он под старость остался одиноким владельцем большого состояния: кроме села Богучарова с деревнями в Тульском уезде, было у Кирилла Ивановича ещё имение в Рязанской губернии и дом в Петербурге. Всё это родовое богатство должно было после него пойти неведомо куда; и вот старик стал думать, кого бы наградить им. Не хотелось ему, чтобы вотчины его вышли из хомяковского рода; не хотелось и крестьян своих оставить во власть плохого человека. И собрал Кирилл Иванович в Богучарове мирскую сходку, и отдал крестьянам на их волю – выбрать себе помещика, какого хотят, только бы он был из рода Хомяковых, а кого изберет мир, тому он обещал отказать по себе все деревни. И вот крестьяне послали ходоков по ближним и дальним местам, на какие указал им Кирилл Иванович, – искать достойного Хомякова. Когда вернулись ходоки, то опять собралась сходка и общим советом выбрала двоюродного племянника своего барина, молодого сержанта гвардии Федора Степановича Хомякова, человека очень небогатого. Кирилл Иванович пригласил его к себе и, узнав поближе, увидел, что прав был мирской выбор, что наречённый наследник его – добрый и разумный человек. Тогда старик завещал ему всё имение и вскоре скончался вполне спокойным, что крестьяне его остаются в верных руках. Так скромный молодой помещик стал владельцем большого состояния. Скоро молва о его домовитости и о порядке, в который привел он своё имение, распространилась по всей губернии».¹¹ Этот излюбленный мирской сходкой Хомяков был родным прадедом Алексея Степановича. Семейные воспоминания об этом исключительном способе происхождения земельных богатств должны были оказать огромное влияние на весь духовный облик А. С. Хомякова, определили его отношение к народной жизни, к народной сходке, к происхождению земельной собственности. Хомяков был полон того чувства, что его земельные богатства переданы ему народной сходкой, что он был избран народом, что народ поручил ему владеть землей. И он отрицал абсолютное право собственности, как оно обычно конструируется юристами. Вся жизнь свою он думал, что земля принадлежит народу и что владельцу

---

⁹ Завитневич В. З. Алексей Степанович Хомяков. Киев, 1902. Т. I, кн. 1. С. 79.

¹⁰ Там же. С. 80.

¹¹ Ляковский В. А. С. Хомяков. Его биография и учение // Русский архив. 1896. Кн. 11. С. 341.

лишь поручают владеть землей для общего народного блага. Вместе с тем выработалось у него особенное отношение к народу, особенное доверие к коллективной народной жизни, к решениям народной сходки. Он чувствовал свою кровную связь с народом и кровную связь с предками. И чувство это не было убито в нём тем фактом, что отец его, Степан Александрович, проиграл в карты в Английском клубе более миллиона рублей. Жена его, Мария Алексеевна, мать Алексея Степановича, взяла дела в свои руки и поправила их.

В жизни А. С. Хомякова особенное значение имела мать. «Она, – пишет он Мухановой, – была благородным и чистым образчиком своего времени; и в силе её характера было что-то, принадлежащее эпохе более крепкой и смелой, чем эпохи последовавшие. Что до меня касается, то знаю, что, восколько я могу быть полезен, ей обязан я и своим направлением, и своей неуклончивостью в этом направлении, хотя она этого и не думала. Счастлив тот, у кого была такая мать и наставница в детстве, а в то же время какой урок смирения даёт такое убеждение! Как мало из того доброго, что есть в человеке, принадлежит ему? И мысли, по большей части сборные, и направление мыслей, заимствованное от первоначального воспитания».¹² Для Хомякова характерно, что у него была органическая, кровная связь с матерью своей и матерью-землей своей. Мать Хомякова была женщина суровая, религиозная, с характером, с дисциплиной. Ниже мы увидим, какое значение она имела для сына. Отец Хомякова был типичный русский помещик, член Английского клуба, человек образованный, но полный барских недостатков и слабостей. По матери Алексей Степанович был крепче, чем по отцу. «Следя за европейским просвещением в лице отца, в лице матери семья Хомяковых крепко держалась преданий родной стороны, насколько они выражались в жизни Церкви и быте народа».¹³

Приведу характерные факты из детства и ранней юности Хомякова. Алексей Степанович обучался латинскому языку у аббата Voivín, который жил в доме Хомяковых. Ученик заметил как-то опечатку в папской булле и спросил аббата, как он может считать папу непогрешимым, тогда как святой отец делает ошибки правописания. За это досталось Алексею Степановичу. Но самый факт очень характерен. Хомяков рано начал свою полемику против католичества и сразу же обнаружил исключительно критическое к нему отношение. Когда Алексея Степановича с братом привезли в Петербург, то мальчикам показалось, что они в языческом городе и что их заставят переменить веру. Братья Хомяковы твёрдо решили лучше претерпеть мучения, чем принять чужой закон. И всю жизнь Хомяков боялся, что его, москвича и русского, заставят переменить православную веру, хотя опасности было не больше, чем в детском путешествии в Петербург. Опасность была, но совсем не там, где её видел Хомяков. Воинственная натура Алексея Степановича сказала очень рано. Семнадцати лет он пытался бежать из дому, чтобы принять участие в войне за освобождение Греции. Он купил засапожный нож, прихватил с собой небольшую сумму денег и тайком ушёл из дому. Его поймали за Серпуховской заставой и вернули домой. Состояние души юноши в момент этого воинственного порыва ярко обрисовано в первом стихотворении Хомякова «Послание к Веновитиновым», из которого приведу наиболее характерные места:

Итак, настал сей день победы, славы, мщенья:
Итак, свершились мечты воображенья,
Предчувствия души, сны юности златой,
Желанья пылки исполнены судьбой!
От Северных морей, покрытых вечно льдами,
До Средиземных волн, возлюбленных богами,

---

¹² Хомяков А. С. Собр. соч.: В 8 т. М., 1900. Т. VIII. С. 422.

¹³ Завитневич В. З. Алексей Степанович Хомяков. Т. I, кн. 1. С. 84.

Тех мест, где небеса, лазурь морских зыбей,
Скалы, леса, поля, всё мило для очей,
Во всех уже странах давно цвели народы
Законов под щитом, под сению свободы.

.....
Так я пойду, друзья, пойду в кровавый бой,
За счастье страны, по сердцу мне родной,
И, новый Леонид Эллады возрожденной,
Я буду жить в веках и памяти вселенной.
Я гряну, как Перун! Прелестный, сладкий сон!
Но никогда, увы, не совершится он!
И вы велите мне, как в светлы дни забавы,
Воспеть свирепу брань, деянья громкой славы?
Вотще: одной мечтой душа моя полна.

.....
О, если б глас Царя призвал нас в грозный бой!
О, если б он велел, чтоб русский меч стальной,
Спасатель слабых царств, надежда, страх вселенной,
Отмстил за горести Эллады угнетенной!
Тогда бы, грудью став средь доблестных бойцов,
За греков мщенье, честь и веру праотцев,
Я ожил бы ещё расцветшею душою
И, снова подружась с Каменою благою,
На лире сладостной, в объятиях друзей,
Я пел бы старину и битвы прежних дней.

Всё, что было романтического в природе Хомякова, всегда принимало форму стремления на войну. В восемнадцатилетнем возрасте отец определил Алексея Степановича в кирасирский полк под начальство графа Остен-Сакена, который оставил о нём воспоминанья. «В физическом, нравственном и духовном воспитании, – говорит Остен-Сакен, – Хомяков был едва ли не единица. Образование его было поразительно превосходно, и я во всю жизнь свою не встречал ничего подобного в юношеском возрасте. Какое возвышенное направление имела его поэзия! Он не увлекался направлением века в поэзии чувственной. У него всё нравственно, духовно, возвышенно. Ездил верхом отлично. Прыгал через препятствия в вышину человека. На эскадронах дрался превосходно. Обладал силою воли не как юноша, но как муж, искушенный опытом. Строго исполнял все посты по уставу православной Церкви и в праздничные и воскресные дни посещал все богослужения... Он не позволял себе вне службы употреблять одежду из тонкого сукна, даже дома, и отвергнул позволение носить жестяные кирасы вместо железных полупудового весу, несмотря на малый рост и с виду слабое сложение. Относительно терпения и перенесения физической боли обладал он в высшей степени спартанскими качествами».¹⁴ Через год Хомяков был переведен в лейб-гвардии конный полк. В 1828 году осуществляется мечта семнадцатилетнего Хомякова. Он отправляется на войну, поступив в гусарский полк и состоя адъютантом при генерале князе Мадатове. Участвовал во многих делах. По словам современников, Хомяков, как офицер, отличался «холодною блестящею храбростью». У него было веселое и вместе с тем человеческое отношение к бою. С театра военных действий Алексей Степанович пишет матери: «Я был в атаке, но, хотя раза два замахнулся, но не решился рубить бегущих, чему теперь очень рад;

---

¹⁴ Завитневич В. З. Алексей Степанович Хомяков. Т. I, кн. 1. С. 101-102.

после того подъехал к редуту, чтоб осмотреть его поближе. Тут подо мною была ранена моя белая лошадь, о которой очень жалею. Пуля пролетела насквозь через обе ноги; однако же есть надежда, что она выздоровеет. Прежде того она уже получила рану в переднюю лопатку саблею, но эта рана совсем пустая. За это я был представлен к *Владимиру*, но по разным обстоятельствам, не зависящим от князя Мадатова, получил только *Св. Анну* с бантом, впрочем, и этим очень можно быть довольным. Ловко я сюда приехал: как раз к делам, из которых одно жестоко наказало гордость турок, а другое утешило нашу дивизию за всё горе и труды прошлогодние. Впрочем, я весел, здоров и очень доволен Пашкою». ¹⁵ «И веселье кровавого боя», – восклицает он в стихотворении. Потом, когда Алексею Степановичу долго приходилось жить в деревне, в обстановке спокойной, его периодически тянуло на войну, в бой, и он изливал свои переживания в боевых стихотворениях.

Хомяков был современником декабристов, знал многих из них, но никогда не увлекался этим замечательным движением, всегда видел в нём легкомыслие молодости. В споре с Рылеевым Хомяков доказывал, что из всех революций самая несправедливая – военная. «Что такое войско? – говорил А. С. – Это – собрание людей, которых народ вооружил на свой счет: оно служит народу. Где же будет правда, если эти люди, в противоположность своему назначению, начнут распоряжаться народом по своему произволу». ¹⁶ Князя А. И. Одоевского Хомяков уверял, что тот не либерал, а лишь предпочитает единодержавию тиранию вооружённого меньшинства. Брат Алексея Степановича, Федор Степанович, осуждал декабристов за то, что они *не знают народной души*. Так же смотрел и Алексей Степанович. Движение декабристов представлялось ему не национальным. И удивительно, что этот критический и наполовину лишь справедливый взгляд сложился у Хомякова ещё в годы юности.

Хомяков был прежде всего типичный помещик, добрый русский барин, хороший хозяин, органически связанный с землей и народом. Алексей Степанович – замечательный охотник, специалист по разным породам густопсовых. У него есть даже статья об охоте и собаках. Он изобретает ружье, которое бьёт дальше обыкновенных ружей; изобретает сельскохозяйственную машину – сеялку, за которую получает из Англии патент; изобретает средство от холеры. Устраивает винокурный завод, лечит крестьян, занят вопросами хозяйственно-экономическими. Этот русский помещик, практический, деловитый, охотник и техник, собачник и гомеопат, был замечательнейшим богословом православной Церкви, философом, филологом, историком, поэтом и публицистом. Друг его, Д. Н. Свербеев, писал о нём:

Поэт, механик и филолог,
Врач, живописец и теолог.
Общины русской публицист,
Ты мудр, как змей, как голубь чист.

Хомяков – универсальный человек, человек из ряда вон выходящей многосторонности, с проблесками гениальности, ничего не сотворивший совершенного, но во всех сферах жизни и мысли оставивший заметный след. М. П. Погодин даёт восторженную и наивную характеристику Хомякова. В характеристике этой есть прелесть непосредственного, живого восприятия личности Алексея Степановича. «Хомяков! – восклицает он. – Что это была за натура, даровитая, любезная, своеобразная! Какой ум всеобъемлющий, какая живость, обилие в мыслях, которых у него в голове заключался, кажется, источник неиссякаемый, бывший ключом при всяком случае направо и налево! Сколько сведений самых разнородных,

---

¹⁵ Хомяков А. С. Собр. соч. Т. VIII. Письма. С. 5-6.

¹⁶ Там же. С. 223.

соединенных с необыкновенным даром слова, текшего из уст его живым потоком! Чего он не знал? И только слушая Хомякова, можно было верить баснословному преданию о Пике Мирандольском, предлагавшем прения *de omni re scibile*. Друг без друга они необъяснимы... Не было науки, в которой Хомяков не имел бы обширнейших познаний, которой не видел бы пределов, о которой не мог бы вести продолжительного разговора со специалистом или задать ему важных вопросов. Кажется, ему оставалось только объяснить некоторые недоразумения, пополнить несколько пробелов... И в то же время Хомяков писал проекты об освобождении крестьян за много лет до состоявшихся рескриптов, предлагал планы земских банков или по поводу газетных известий, на ту пору полученных, распределял границы американских республик, указывал дорогу судам, искавшим Франклина, анализировал до малейшей подробности сражения Наполеонова, читал наизусть по целым страницам из Шекспира, Гёте или Байрона, излагает учение Эдды и буддийскую космогонию... И в то же время Хомяков изобретает какую-то машину с сугубым давлением, которую посылает на английскую всемирную выставку и берет привилегию; сочиняет какое-то ружье, которое хватается дальше всех, предлагает новые способы винокурения и сахароварения, лечит гомеопатией все болезни на несколько верст в округности, скачет по полям с борзыми собаками зимней порошею за зайцами и описывает все достоинства и недостатки собак и лошадей как самый опытный охотник, получает первый приз в обществе стреляния в цель, а ввечеру является к вам с сочиненными им тогда же анекдотами о каком-то диком прелате, пойманном в костромских лесах, о ревности какого-то пермского исправника в распространении христианской веры, за которое он был представлен к *Св. Владимиру*, но не мог получить его потому, что оказался мусульманином». ¹⁷ Эта характеристика мила своей наивностью и восторженностью, и в ней много правды, несмотря на преувеличения. Хомяков действительно был таким универсальным человеком, одарённым необыкновенно. В этом отношении его можно сравнить с Гёте. Но натура Гёте была по-немецки дисциплинирована, натура же Хомякова была по-русски хаотична. Прежде всего, Хомяков был очень ленив, по собственному признанию и признанию своих близких.

В нашу эпоху религиозные мыслители и искатели не изобретают ружья, машины и средства от холеры, не ездят на охоту, мало понимают в породе густопсовых. Хомяков был ещё крепок земле, был человек родового быта, в нём не было воздушности последующих поколений. Вл. Соловьёв и люди его склада в трудные минуты жизни пишут стихи и в них изливают самое интимное. Хомяков в трудные минуты жизни едет на охоту и в погоне за зайцами разрешает свою тоску. В одном письме он говорит: «Где же поля и зайцы, и веселье скачки, и восторг травли, и все прочие наслаждения мои в качестве Нимвродова потомка (*le grand chasseur devant le Seigneur*)? Кстати скажу, что это родство даёт мне большее право судить о делах древнего Вавилона, чем немцам, ученым шмерцам, которые не сумеют отличить собачьего щипца от правила». ¹⁸ Хомяков – человек с сильным характером, с огромным самообладанием. Он скрытен, не любит обнаруживать своих страданий, не интимен в своих стихах и письмах. По стихам Хомякова нельзя так разгадать интимные стороны его существа, как по стихам Вл. Соловьёва. В стихах своих он воинствен, точно из пушек стреляет, он горд и скрытен. Алексей Степанович был гордый человек, гордость – основная черта его характера. В стихах своих он часто употребляет слово *гордость*, это излюбленное его слово. В нём был пафос гордости. Но то не была гордость духовная по отношению к Высочайшему, то была гордость житейская, по отношению к людям. И всего более сказалась эта черта характера Алексея Степановича в его отношении к женщинам. Хомякову пришлось пережить неразделённую любовь, и вот как он пережил это чувство.

¹⁷ Завитневич В. З. Алексей Степанович Хомяков. Т. I, кн. 1. С. 100-101.

¹⁸ Хомяков А. С. Собр. соч. Т. VIII. С. 15.

К ***

Благодарю тебя! Когда любовью нежной
Сияли для меня лучи твоих очей,
Под игом сладостным заснул в груди мятежной
Порыв души моей.
Благодарю тебя! Когда твой взор суровый
На юного певца с холодностью упал,
Мой гордый дух вскипел, и прежние оковы
Я смело разорвал!
И шире мой полет, живее в крыльях сила;
Всё в груди тишина, всё в сердце расцвело;
И песен благодать свежее осенила
Свободное чело!
Так, после ярых бурь, моря лазурней, тише,
Благоуханней лес, свежей долин краса;
Так раненный слегка орел уходит выше,
В родные небеса!

Одно время Хомяков подвергался опасности полюбить известную Россет-Смирнову, но гордость победила это чувство, так как Россет, по мнению Алексея Степановича, чужда России.

Иностранке

А. О. Россет

Вокруг неё очарованье,
Вся роскошь юга дышит в ней:
От роз ей прелесть и названье;
От звезд полудня блеск очей.

Прикован к ней волшебной силой,
Поэт восторженный глядит;
Но никогда он деве милой
Своей любви не посвятит.

Пусть ей понятны сердца звуки,
Высокой думы красота,
Поэтов радости и муки,
Поэтов чистая мечта;

Пусть в ней душа, как пламень ясный,
Как дым молитвенных кадил;
Пусть ангел, светлый и прекрасный,
Её с рожденья осенил;

Но ей чужда моя Россия,
Отчизны дикая краса;
И ей милей страны другие,
Другие лучше небеса!

Пою ей песнь родного края –
Она не внемлет, не глядит!
При ней скажу я «Русь святая!»
И сердце в ней не задрожит.

И тщетно луч живого света
Из черных падает очей,
Ей гордая душа поэта
Не посвятит любви своей.

Очень характерно также стихотворение «Элегия»:

Когда вечерняя спускается роса,
И дремлет дольний мир, и ветер прохладой дует,
И синим сумраком одеты небеса,
И землю сонную луч месяца целует,
Мне страшно вспоминать житейскую борьбу,
И грустно быть одним, и сердце сердца просит,

И голос трепетный то ропщет на судьбу,
То имена любви невольно произносит...

Когда ж в час утренний проснувшийся Восток
Выводит с торжеством денницу золотую,
Иль солнце льёт лучи, как пламенный поток,
На ясный мир небес, на суету земную, –
Я снова бодр и свеж. На смутный быт людей
Бросаю смелый взгляд: улыбку и презренье
Одни я шлю в ответ грозе судьбы моей,
И радуется моё уединенье.
Готовая к борьбе и крепкая, как сталь,
Душа бежит любви бессильного желанья,
И, одинокая, любя свои страданья,
Питает гордую, безгласную печаль.

Гордое сознание во всём присуще Хомякову. Очень характерно говорит он о гордости церковной: «Этим нравом, этой силой, этой властью обязан я только счастьем быть сыном Церкви, а вовсе не какой-нибудь личной моей силе. Говорю это смело и не без гордости, ибо неприлично относиться смиренно к тому, что даёт Церковь».¹⁹ В другом месте он пишет: «Вы не обвините меня в гордости, если скажу, что я хоть сколько-нибудь возвратил человеческому слову у нас слишком забываемое благородство».²⁰ Скрытность и самообладание Хомякова связаны с чувством собственного достоинства, с благородной гордостью характера. В нём нет интимности, нет экспансивности, нет лиризма, он не хочет являться людям безоружным. Алексея Степановича часто обвиняли в холодности, в бесчувственности. В моменты страдания он обладал способностью говорить на самые отвлечённые, философские темы, ничем не показывая своего волнения. Так было в момент смерти Веневитинова. Муханов вспоминает о Хомякове: «Особенно была замечательна способность (философского) мышления, которая не оставляла его ни в каких обстоятельствах, как бы они сильно ни затрагивали его сердца при самых глубоко потрясавших обстоятельствах. Таким образом, он продолжал рассуждать самым ясным и спокойным образом о предметах самых отвлечённых, как будто ничего тревожного не происходило в то время».²¹

Мать Алексея Степановича была по-своему очень замечательной женщиной, и нельзя не остановиться на её поступке относительно детей, имевшем большое значение в жизни А. С. Когда сыновья Марии Алексеевны пришли в соответствующий возраст, она призвала их к себе и высказала свой взгляд на то, что мужчина должен, как и девушка, сохранять своё целомудрие до женитьбы. Она взяла клятвы со своих сыновей, что они не вступят в связь ни с одной женщиной до брака. В случае нарушения клятвы она отказывала своим сыновьям в благословении. Клятва была дана и по всем данным была исполнена.²² Двадцати шести лет от роду Хомяков писал:

Признание

«Досель безвестна мне любовь.

---

¹⁹ Хомяков А. С. Собр. соч. Т. II. С. 223.

²⁰ Хомяков А. С. Собр. соч. Т. VIII. С. 318.

²¹ Завитневич В. З. Алексей Степанович Хомяков. Т. I, кн. 1. С. 110.

²² Лясковский В. А. С. Хомяков. Его биография и учение. С. 360.

И пылкой страсти огонь мятежный;
От милых взоров, ласки нежной
Моя не волновалась кровь.
Так сердца тайну в прежни годы
Я стройно в звуки облакал
И песню гордую свободы
Цевнице юной поверял,
Надеждами, мечтами славы
И дружбой верною богат,
Я презирал любви отравы
И не просил её наград.
С тех пор душа познала муки,
Надежд утраты, смерть друзей,
И грустно вторят песни звуки,
Сложенной в юности моей.
Я под ресницею стыдливой
Встречал очей огонь живой,
И длинных кудрей шёлк игривый,
И трепет груди молодой;
Уста с приветною улыбкой,
Румянец бархатных ланит,
И стройный стан, как пальма, гибкий
И поступь легкую харит.
Бывало, в жилах кровь взыграет,
И, страха, радости полна,
С усиьем тяжким грудь вздыхает;
И сердце шепчет: вот она!
Но светлый миг очарованья
Прошёл, как сон, пропал и след:
Ей дики все мои мечтанья,
И непонятен ей поэт.
Когда ж? И сердцу станет больно,
И к арфе я прибегну вновь,
И прошепчу, вздохнув невольно:
Досель безвестна мне любовь.

А. И. Кошелев пишет об А. С.: «Хомяков – удивительный человек: свою нравственную страсть он доводит до последней крайности. В большом обществе, и в особенности при дамах, он невыносим. Он никогда не хочет быть любезным, опасаясь кого-нибудь тем привести в соблазн».²³ Несколько раз зарождалось в нём чувство любви к женщине, но каждый раз умел он победить его, подчинив его разумным целям. Хомяков не был натурой эротической. Эротика нет в его творчестве. В этом он бесконечно отличается от Вл. Соловьёва. В нём разум и воля преобладали над чувством. Он не жил под обаянием женственности, и, быть может, потому ему чужды были иные стороны христианской мистики. Силен в нём был идеал семейственности, идеал патриархальный. Но нет в нём и следов высшей эротика, любви мистической. Это так чувствуется и в стихах его и в письмах. И как характерно это отсутствие эротика для славянофилов той эпохи. Как отличаются они от Вл. Соловьёва с

---

²³ Колюпанов Н. Биография Александра Ивановича Кошелева. Т. I, кн. 2. С. 150.

его культом вечной женственности. В личности Хомякова и в произведениях Хомякова, во всём его складе, нет места для вечной женственности, для мировой души. Мы увидим это, когда будем говорить о философском мирозерцании Хомякова. Славянофильская патриархальность, ветхозаветная семейственность, исключает культ вечной женственности. К 1836 году Хомяков сочетался браком с Екатериной Михайловной Языковой, сестрой поэта. Это был редко счастливый, безмятежный, безупречный брак. Хомяков был счастливцем в своей семейной жизни. Да и не могло быть у него иначе, иначе жизнь его не была бы столь органической. Горе пришлось испытать Хомякову: у него умерло двое детей, на смерть которых он написал своё известное стихотворение. Но внутреннего трагизма, внутренней неудовлетворённости он не знал.

Воинственность – характерная черта Хомякова. Черта эта сказалась и в том, что его часто тянуло на войну, и в воинственной манере писать, и в любви к диалектическим боям. Стихи его – почти исключительно воинственны, не лиричны, не печальны. В творчестве своем Хомяков никогда не обнаруживал своих слабостей, внутренней борьбы, сомнений, исканий, подобно людям современным. Он догматик всегда. Догматическое упорство проникает всю его натуру. У него была неискоренимая потребность всегда органически утверждать и бороться во имя органического утверждения. В нём нет и следов мягкости и неопределённости натур сомневающихся, мятущихся. Он ни в чем не сомневается и идёт в бой. В бой нельзя идти с сомнением, с внутренней борьбой. Плохой воин тот, кто борется с самим собой, а не с врагом. Хомяков всегда боролся с врагом, а не с самим собой, и этим он очень отличается от людей нашей эпохи, слишком часто ведущих борьбу с собою, а не с врагами. Современники прежде всего воспринимали Хомякова как диалектического бойца, как непобедимого спорщика, всегда вооружённого, всегда нападающего. В пылу диалектического боя Хомяков любил прибегать к парадоксам, впадал в крайности. Часто это бывало бессознательно, но иногда он и сознательно прибегал к парадоксам в целях боевых. Любил Хомяков острить и смеяться, он вечно смеялся, и смех его, по-видимому, некоторых соблазнял. Заподозривали его искренность. Может ли быть верующим вечно смеющийся человек? Не есть ли это показатель легкости, недостаточной серьезности и глубины, может быть, скепсиса? Такой взгляд на человека вечно смеющегося очень поверхностен. Смех – явление сложное, глубокое, малоисследованное. В стихии смеха может быть преодоление противоречий бытия и подъем ввысь. Смех целомудренно прикрывает интимное, священное. Смех может быть самодисциплиной духа, его бронированием. И смех Хомякова был показателем его самодисциплины, быть может, его гордости и скрытности, остроты его ума, но никак не его скептицизма, неверия или неискренности. Смех прежде всего очень умен. Смех будет и в высшей гармонии. Слишком известно мнение Герцена о Хомякове, высказанное в «Былом и думах». Для многих эта характеристика Герцена является единственным источником суждений о Хомякове. Но Герцен так же не понимал Хомякова, как не понимал Чаадаева и Печерина; то был неведомый ему мир. Он был поражен необыкновенными дарованиями Хомякова, воспринимал его как непобедимого спорщика и диалектика, но сущность Хомякова была для него так же закрыта, как и сущность всех людей религиозного духа. Поэтому Герцен заподозривает искренность Хомякова, глубину его убеждений, как это всегда любят делать неверующие относительно верующих.

Из Чаадаева Герцен сделал либерала, из Хомякова – диалектика, прикрывавшего спорами внутреннюю пустоту. Но Герцен не может быть компетентным свидетелем и оценщиком религиозной полосы русской жизни и мысли.

Любовь к свободе была одним из корней существа Хомякова. Мы увидим, как сказалось свободолюбие Хомякова в его богословствовании. И вся жизнь его была проникнута ненавистью к принуждению и насилию, верой в органическую свободу, в её благодатную силу. Вся славянофильская доктрина Хомякова была учением об органической свободе.

Организм для него всегда был свободен, лишь механизм был принудителен. Эта страстная любовь к свободе прекрасно выразилась в стихах Хомякова, посвящённых России. Он видит миссию России прежде всего в том, что она откроет западному миру тайну свободы.

Твоё всё то, чем дух святится,
В чем сердцу слышен глас небес,
В чем жизнь грядущих дней таится,
Начала славы и чудес!..
О, вспомни свой удел высокий,
Былое в сердце воскреси,
И в нем, сокрытого глубоко,
Ты духа жизни допроси!
Внимай ему – и все народы
Обняв любовью своей,
Скажи им таинство свободы,
Сиянье веры им пролей!
И станешь в славе ты чудесной
Превыше всех земных сынов,
Как этот синий свод небесный,
Прозрачный Вышнего покров!

В стихотворении «Суд Божий» он говорит:

Согрей их дыханием свободы.

И то же звучит в стихотворении «Раскаившейся России»:

Иди! Тебя зовут народы.
И, совершив свой бранный пир,
Даруй им дар святой свободы.
Дай мысли жизнь, дай жизни мир!

Хомяков верил, что начало органической свободы заложено прежде всего в восточном православии, а затем и в духе русского народа, в русском деревенском быте, русском складе души и отношении к жизни. Запад не знает истинной свободы, там всё механизировано и рационализировано. Тайну свободы ведаёт лишь сердце России, неискажённо хранящей истину Христовой Церкви, и она лишь может поведать эту тайну современному миру, подчинившемуся внешней необходимости.

Любовь к свободе исключала для Хомякова возможность государственной службы. Он не мог быть чиновником, органически не мог быть, не мог быть и военным, хотя любил войну. Свободу бытовую он чувствовал лишь в деревне, в жизни помещика, ни от чего и ни от кого не зависящего, связанного непосредственно с природой. Хомяков был богатый русский барин, он не знал зависимости от начальства, не знал и зависимости от литературного труда, как многие русские писатели. Жизнь улыбалась ему. И его собственная бытовая, деревенски-помещичья свобода представлялась ему органической свободой всего русского народа, всего уклада русской жизни. Тут была ограниченность, связанная с бытом, с историческими условиями места и времени, но сама любовь к свободе была у Хомякова безграничной. Писал он лишь по вдохновенью, и так же мало можно себе представить его профессиональным литератором или специалистом-ученым, как и чиновником. Хомяков был не

меньше охотником, чем писателем, и не отказался бы от охоты с гончими во имя обязанности написать статью к сроку. У Хомякова была безграничность в стремлении к свободе и ограниченность бытовой формы, с которой он связывал осуществление свободы. Свобода, свобода жизненная, была для него тождественна с излюбленным бытом, почти что с бытом такой-то губернии, такого-то уезда. И само свободолюбие русского народа он слишком исключительно связывал с патриархальным бытом, с семейственностью, с властью земли. В этом была ограниченность, которой нет в духе русского народа, мятежном и томящемся.

Любовь к семейственности очень характерна для Хомякова и для всех славянофилов. Все общественные отношения людей он представлял себе прежде всего по образцу отношений семейных. Хомяков был счастлив в семейной жизни и на счастье этом хотел основать свои надежды на счастье общественное. О счастье семейном говорит он, что «оно одно только на земле и заслуживает имя счастья». «На Святой Руси нужен свой дом, своя семья для жизни».²⁴ Общественность семейственная, по образцу семьи созданная, и есть патриархальный быт, в котором все отношения такие же, как отношения отцов и детей. С семейственностью Алексея Степановича была связана некоторая его скупость. Не только другие люди, но и сам он считал себя скупым и добродушно иронизировал над этим свойством, называя себя *papa Grandet*. «*Papa Grandet* не забыл своей выгоды», – пишет он в одном письме. Хомяков был настоящим англофилом, любил английский туризм, английский органический историзм. Он ездил в Англию в мурмолке и зипуне, полюбил англичан, и англичане полюбили его. Английский характер родствен Хомякову, Хомяков верил, что судьбы мира решатся в Москве и Лондоне, жаждал воссоединения англиканства с православной Церковью. Любовь к англичанам заходила у него так далеко, что он серьезно считал англичан славянами. В письме об Англии у А. С. есть очень яркое место: «Вигизм – это насущный хлеб; туризм – это всякая жизненная радость, кроме разврата кабачного или ещё худшего разврата воксалов; это скачка и бой, это игра в мяч и пляска около майского столба или рождественское полено и веселые святочные игры, это тишина и улыбающаяся святыня домашнего круга, это вся поэзия, всё благоухание жизни. В Англии Тори – всякий старый дуб, с его длинными ветвями, всякая древняя колокольня, которая вдали вырезывается на небе. Под этим дубом много веселилось, в той древней церкви много молилось поколений минувших».²⁵

Туризм не был для Хомякова политической партией, он видел в нём душу английского народа. Такой туризм, по его мнению, кроме Англии, можно найти лишь в России. «Если ты хочешь найти туристические начала вне Англии, – оглянись: ты их найдешь, и лучшие, потому что они не запечатлены личностью. Вот величие златоверхого Кремля с его соборами, и на Юге пещеры Киева, и на Севере Соловецкая святыня, и домашняя святыня семьи, и, более всего, вселенское общение никому не подсудного православия. Взгляни ещё: вот сила, назвавшая некогда Кузьму Минина выборным всей земли Русской, и ополчившая Пожарского, и увенчавшая дело своё избранием на престол Михаила и всего рода его; вот, наконец, деревенский мир, с его единодушной сходкой, с его судом по обычаю совести и правде внутренней. Великие, плодотворные блага».²⁶ Хомяков очень любил Англию, но не любил романских народов, связанных с духом католичества, и терпеть не мог Франции, к которой бывал очень несправедлив. Немцев Хомяков всё-таки уважал, хотя и подсмеивался над немецкими «шмерцами». И никогда он не утверждал, что Запад гниет. Для него Европа была «страной святых чудес».

---

²⁴ Хомяков А. С. Собр. соч. Т. VIII. С. 57.

²⁵ Хомяков А. С. Собр. соч. Т. I. С. 130.

²⁶ Там же. С. 137-138.

Хомяков не был большим поэтом, но у него есть сильные стихотворения, и дарование его несомненно. Пушкин ценил поэзию Хомякова. Сам же он говорил про себя: «Без приговорного смирения я знаю про себя, что мои стихи, когда хороши, держатся мыслью, то есть прозатор везде проглядывает и, следовательно, должен, наконец, задушить стихотворца». Алексей Степанович был даровитый стихотворец, стихотворения его являются показателем его необыкновенной одарённости, но в них мало истинной поэзии.

Для нас стихи Хомякова интересны прежде всего как материал для характеристики его личности, для его психологической биографии. В этом отношении само отсутствие лиризма и интимности в его стихах очень характерно. Хомяков не только не был настоящим поэтом, — он не был и настоящим мистиком. Его можно назвать мистиком лишь постольку, поскольку всякого христианина можно назвать мистиком. Он учил о Церкви мистической, потому что мистична самая сущность Церкви. Но специфической мистики у Хомякова нельзя найти. Он для этого был слишком трезвым, практическим человеком, слишком хороший хозяин, слишком любил охоту, религия его была слишком бытовая, семейственная. Хомяков — очень здоровый человек, не склонный к экстазам, не ведающий бездн. Ему чужда была даже восточно-христианская мистика — аскетика. Аскетике он принимал лишь в той минимальной степени, в какой всякий христианин её принимает, но особый мистический путь аскетике чужд ему. Хомяков — противник слишком аскетического понимания христианства, слишком силен был у него бытовой вкус к жизни, мила ему была языческая сторона русского быта. Западной же мистики он просто не знал. В одном месте он прямо говорит, что никогда не читал Якова Бёме, величайшего из мистиков. Хомяков безмерно злоупотребил обвинением всех и вся в рационализме, но у него самого была рационалистическая складка. Он был большой диалектик, сильный диалектик, и иногда слишком рационалистически критиковал рационализм. В его жизни был элемент рассудочности. Интимный религиозный опыт Хомякова, опыт молитвенный, был прикрыт элементами рассудочности и рационализма. В мистицизме Хомяков видел обратную сторону рационалистической рассечённости целостной жизни духа и потому относился к нему отрицательно. Но сама целостная жизнь духа может быть понята лишь как жизнь мистическая, а не бытовая. Хомяков же видел в быте больше настоящей веры, чем в мистике. Это очень для него характерно. Иван Киреевский сравнительно поздно стал верующим христианином, уже в сороковые годы, но религиозная жизнь его имела гораздо более мистическую окраску, чем у Хомякова. Киреевский был в общении со старцами Оптиной Пустыни, был проникнут духом восточной аскетике. Натура у него была более мистическая и созерцательная. Киреевский из всех славянофилов был наиболее мистически настроенный, последние годы жизни он жил в густой атмосфере православной мистики, близка ему была практика умного деланья. Вообще же славянофилы не были мистиками, у них не чувствуется мистического трепета. Совершенно чужда и Хомякову и другим славянофилам мистика апокалиптическая.

Хомяков не был гением, но в природе его была необыкновенная даровитость, приближающаяся к гениальности. Свою необыкновенную даровитость он не выразил ни в каком совершенном творении. Всё, что он писал, несовершенно. Хомякова изучают, но, за исключением тома богословских статей, его мало читают, у него почти нет книг для чтения. Это русская черта — обладать огромными дарованиями и не создать ничего совершенного. Немалую роль тут сыграла барская лень Хомякова, его дилетантское отношение к призванию писателя. Он относил к себе слова известного своего стихотворения о грехах России: «И лени мерзкой и позорной». Алексей Степанович писал между прочим, писательство не было главным делом его жизни. Не меньшую роль в его жизни играли занятия сельским хозяйством, охота, изобретения, проекты улучшения быта крестьян, семейные заботы. Он брался и за живопись, имел художественное дарование, писал в Париже иконы для католического храма, но не довел своих художественных занятий до конца. Одно время он был очень занят

виокурением и сахароварением. Был гомеопатом, изобрел средство от холеры, лечил крестьян во время эпидемии. Преданность его гомеопатии была так велика, что, когда он умер от воспаления легких и его умоляли лечиться обыкновенными средствами, он решительно отказался принимать какие-либо средства, кроме гомеопатических, так как видел в этом измену идее. Необыкновенная многосторонность в соединении с ленью и некоторым дилетантизмом мешали ему сотворить что-нибудь совершенное. Всё-таки Алексей Степанович был прежде всего помещиком, потом уже писателем, это не могло не отозваться на характере его писаний. Память у него была необыкновенная, он способен был проглотить в один день кучу книг, цитировал наизусть, писал без справок. Но в писательстве его нет никакой дисциплины, не чувствуется отношения к писательству как к главному призванию, как к задаче жизни. Манера писать у него очень разбросанная, хаотическая. Но всё, что он пишет, проникнуто одной идеей, хотя бы то была статья о спорте или охоте. Для характеристики его манеры писать приведу оглавление одной его статьи. Статья «По поводу Гумбольдта» имеет следующее содержание: «Смешение факта с его разумением. – Очерк западной истории. – Книга Макса Штирнера. – Древнее русское общество. – Петр I. – Ничтожество русской науки. – Личность в искусстве. – Икона. – Отсутствие предания. – Мирские сходки. – Наш вигизм. – Возврат к русской жизни. – Самовоспитание». По оглавлению этому очень трудно сказать, о чем написана статья, так как она написана обо всём. В сущности, все статьи Хомякова написаны лишь об одном – о призвании России, все проникнуты одной идеей. В этом его сильная сторона. До чего А. С. был ленив в писании, недисциплинирован, до чего не был профессиональным писателем, можно заключить из того факта, что приятели запирали его на ключ, чтобы принудить писать «Записки по всемирной истории», его «Семирамиду». Гоголь заметил, что Хомяков пишет большую работу, увидел слово «Семирамида» в рукописи и сказал, что он «Семирамиду» пишет. Эта «Семирамида», три тома его сочинений, представляет из себя черновые заметки. Читать эти «Записки по всемирной истории» трудно, но лишь замечательный мыслитель мог написать такие заметки. Алексей Степанович начал писать прозой лишь в начале сороковых годов, до этого он писал только стихи и драмы.

Пленительно в Хомякове его рыцарское отношение к православной Церкви, его верность. Хомяков отрицательно относился к западному рыцарству, но сам был настоящим рыцарем православия, одним из немногих у нас рыцарей. Рыцарское отношение к Церкви редко можно встретить у нас и среди русского духовенства, и среди русского интеллигентного общества. Не хватает русским чувства церковного достоинства и чести, и слишком легко русские предадут свою святыню во имя всяких идолов и кумиров. Хомяков, по словам Герцена, «подобно средневековым рыцарям, стерегущим храм Богородицы, спал вооружённым». В любой момент дня и ночи готов он был во всеоружии стать на защиту православной Церкви. В его отношении к Церкви не было ничего расслабленного, колеблющегося, неверного. Он прежде всего верный и твёрдый, в нём был камень церковный. Хомяков родился на свет Божий религиозно готовым, церковным, твёрдым, и через всю свою жизнь он пронёс свою веру и свою верность. Он всегда был благочестив, всегда был православным христианином. В нём не произошло никакого переворота, никакого изменения и никакой измены. Он единственный человек своей эпохи, не подвергшийся всеобщему увлечению философией Гегеля, не подчинивший свою веру философии. Ясность церковного сознания сопутствует ему во всей его жизни. Всю свою жизнь он соблюдал все обряды, постился, не боялся быть смешным в глазах общества индифферентного и равнодушного. Это высокая черта характера Алексея Степановича. Он соблюдал все посты и обряды, когда служил в конногвардейском полку, и носил мурмолку и зипун, когда путешествовал по Англии. Цельность своей природы Хомяков вложил в свою религиозную жизнь, и жизнь его была органической. Религиозность его была бытовая. Он бесконечно дорожил русским православным бытом, всем

душевым обликом этого быта, вплоть до мелочей и подробностей. В нём не было религиозной тревоги, религиозной тоски, религиозного алкания. Это был религиозно сытый человек, спокойный, удовлетворённый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.